

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Несколько слов, предваряющих текст</i>	7	
11	ОДИН ДЕНЬ В ПОЛЕНОВЕ	
29	МАРХИ. СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ	
	Михаил Александрович Туркус	30
	Борис Сергеевич Мезенцев	34
41	ПОИСК ПУТИ	
	Виктор Борисович Эльконин	41
	Артур Владимирович Фонвизин	48
	Александр Григорьевич Тышлер	61
	Марк Захарович Шагал	69
74	ДРУЗЬЯ ДАЛЕКИЕ, НО БЛИЗКИЕ	
	Лев Збарский	74
	Юрий Красный	108
	Эрнст Неизвестный	128
	Михаил Шемякин	130
	Шимон Окштейн	133
135	РОМАН С ОФОРТОМ	
	Геннадий Трошков	135
	Азарт творчества	146
155	МОСКОВСКИЕ ЗАРИСОВКИ	
	Мария Чегодаева	155
	Вадим Рындин	159

	Олег Целков	163
	Сергей Алимов	166
	Сергей Бархин	173
	Михаил Ромадин	181
	Валерий Левенталь	193
	Давид Боровский	201
	Михаил Шварцман	206
	Эдуард Штейнберг	208
	Александр Великанов	209
	Игорь Попов	212
215	ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА АНТОНОВА	
	Штрихи к портрету	215
	“Декабрьские вечера”	217
	“Москва — Берлин”	224
	Встречи в Италии	227
231	ГРУЗИНСКИЕ ВСТРЕЧИ	
	Сергей Параджанов. Гаянэ Хачатурян. Аркадий Ревазов	231
	Параджанов в Ереване	247
	Памяти Нико Пиросманишвили	248
	Зураб Церетели	252
	Сулико Вирсаладзе	253
256	О ПЕТЕРБУРГСКИХ ХУДОЖНИКАХ И КАРТИНАХ	
	Валерий Доррер	256
	Рисование Петербурга	263
	Эдуард Кочергин	266
	“Санкт-Петербург. Белые ночи. Пейзажи”	270
	<i>Дописав книгу</i>	277
	<i>Слова благодарности</i>	279
	Указатель имен	281

Несколько слов, предваряющих текст

.....

Сейчас, когда книга уже написана и ее верстка лежит передо мной, не могу избавиться от ощущения неполноты сделанного, кажется, что многое пропущено, не охвачено. Пусть читатель поверит в это состояние, способное подвигнуть на то, чтобы сесть и написать заметки о художниках заново. И лишь обязательства перед издательством удерживают меня от этого. На все нужно время.

Вспомнить и оценить встречи прошлых лет очень сложно. Надо было записывать вовремя! Но на это способен человек рассудительный, а не такой мятущийся и неуравновешенный, каким был я. Единственное, что могу поставить себе в заслугу (по итогам двух книг: “Промельк Беллы” и теперь — “Жизнь переходит в память. Художник о художниках”), — это масштаб охвата времени, в котором довелось жить, и то количество замечательных имен и образов, которые окружали и окружают меня до сих пор.

Записки мои о художниках, посвятивших себя живописи, графике и сценографии — этой замечательной,

но причудливой профессии. Я выбрал имена людей наиболее значимые в этих сферах искусства — тех, кто жил и творил на моих глазах, в непосредственной близости, кто произвел на меня сильное впечатление и повлиял в той или иной степени на мое творчество. Все они — мои современники и близкие друзья, но читатель может быть уверен: речь пойдет только о прекрасных художниках.

Стоило начать писать, и возник вопрос: как рассказать о них? Давать ли анализ творчества или писать просто как о людях, моих товарищах? Думается, я нашел компромисс: я расскажу и о наших личных встречах, и о месте в искусстве и общественной жизни, не претендуя на то, чтобы дать исчерпывающие творческие портреты. Многих из этих людей уже нет на свете, и я считаю своим долгом вспомнить их имена и отслужить делу их памяти по мере моих сил.

Несколько слов о композиции книги, которую условно можно разделить на три части. Первая — затрагивает юные годы и мое становление как личности и как художника, отчасти происходившее в Поленове и Тарусе. Этому же посвящены воспоминания об Архитектурном институте и записки о встречах с Артуром Владимировичем Фонвизиным и Александром Григорьевичем Тышлером.

Дальше следуют имена Лёвы Збарского, Юрия Красного, Гены Трошкова. Встречи и дружба с ними тоже в своем роде ранние, но очень дорогие мне воспоминания.

Глава “Московские зарисовки” рассказывает о художниках, иногда сильно на меня повлиявших, тем более что среди них есть и очень значительные фигуры. Я специально не выделяю их, чтобы они не подавляли другие, а существовали бы на равных. Все они, эти мо-

сковские мастера, и составляют ту среду, в которой протекала моя жизнь, хотя я пишу о них по-разному, более или менее подробно. Как писал Б. Пастернак:

Я говорю про всю среду,
С которой я имел в виду
Сойти со сцены, и сойду.

Отдельная глава посвящена образу Ирины Александровны Антоновой.

В заключительной части появляются петербургские художники и картины. Я отвожу этой теме особое место, сообразно ее значению в моей жизни.

Когда я только задумал написать воспоминания с подзаголовком “Художник о художниках”, первой мыслью было включить в книгу имена моих коллег по театру, а также художников-графиков, близких мне людей, таких как Лев Збарский и Юрий Красный. Постепенно замысел разрастался, возник интерес к образам моих учителей, оказавших на меня наибольшее влияние. И, конечно, при выборе героев книги был важен “географический” принцип — жизнь моя прошла между Москвой и Петербургом, соответственно и дружбы, соотношения создавались там.

И только когда книга была уже в печати, я сообразил, что совершенно не затронул тему грузинского искусства, сильно на меня повлиявшего в начале пути. Не говорю уже о том пиетете, который я испытываю перед великими художниками Грузии. Не обратился сразу к их именам я по очень простой причине — мне казалось, что не следует вскользь упоминать настолько значимых для искусства людей. Теперь же я хочу воздать им должное в главе “Грузинские встречи”...

ОДИН ДЕНЬ В ПОЛЕНОВЕ

Памяти Наташи Грамолиной

По детскому воспоминанию он знал, что после долгой разлуки странно и грустно видеть знакомое место: ты с ним еще связан сердцем, а неподвижные предметы тебя уже забыли и не узнают, точно они прожили без тебя деятельную, счастливую жизнь, а ты был им чужой, одинок в своем чувстве и теперь стоишь перед ними жалким неизвестным существом.

А. ПЛАТОНОВ. *Джан*

.....
Летом 2019 года мы, как обычно, созвонились и договорились о встрече в Поленове с нашей многолетней (мы знакомы с семидесятых годов) подругой Наташей Грамолиной, директором музея-заповедника Василия Дмитриевича Поленова. Для меня усадьба художника — священное место, поскольку вся моя жизнь прошла в этих краях. Я имею в виду само Поленово и расположенную рядом Тарусу, которые воспринимаю как единое целое и считаю своей малой родиной.

Каждое лето, начиная с тридцатых годов, меня привозили сюда сначала ребенком, а потом я самостоятельно приезжал для отдыха и работы. И настолько сроднился со здешней обстановкой, что она стала как бы частью меня самого. Первые годы пребывания в Поленове были, по сути, единственной данностью, дарованной мне судьбой, а последующие — являлись уже моим выбором.

Я начал ездить после войны и эвакуации в эти края по старой детской памяти, да еще и потому, что здесь, в Поленове, был дом отдыха Большого театра, а мои ро-

дители могли покупать сюда путевки, тем самым решая еще и проблему питания. В 1954 году я писал отцу из Сухуми: “Вообще все, что происходит в Поленове, мне очень интересно, я сам хотел бы там сейчас быть. <...> Моя вечная история: как только я попадаю куда-нибудь на юг, у меня возникает тоска по Поленову и такого же рода местам под Москвой”.

Наташа Грамолина была супругой внука Василия Дмитриевича — Федора. Пройдя многотрудный жизненный путь, в том числе командование подводной лодкой, он стал (до Наташи) директором музея-усадьбы, наследуя эту должность. Он хорошо знал творчество своего деда, был человеком эрудированным, просвещенным и посвященным в тайны музейного дела. Я вспоминаю Федора молодого, еще до призыва в армию, потому что воспитывался вместе с ним одними и теми же людьми, зачастую домочадцами и родственниками Поленова — с ними была близка моя бабушка. В памяти звучит детское имя Федора — Федул. Потом следы его для меня затерялись. В моем поле зрения Федор снова возник, уже когда стал “большим” человеком, заседал в Верховном Совете РСФСР и очень хорошо там держался.

Федор Поленов с его правильными чертами лица был красив той красотой, которой обладали выходцы из старинных русских дворянских или купеческих родов, такие как, например, Владимир Владимирович Набоков или Юрий Петрович Любимов. Благодаря стараниям Федора и Наташи большая территория вокруг поленовского дома была объявлена заповедником и таким образом спаслась от застройки коттеджами новых русских соотечественников.

Ближе к концу своей непростой и насыщенной со- бытиями жизни Федор обратился к заветному для него писательскому труду и в нем тоже проявил талант, издав книгу “У подножия радуги”, где, обращаясь к фактам собственной биографии и художественно их отображая, не оставил без внимания сакральные для Тарусы имена Ивана Владимировича Цветаева, Константина Георгие- вича Паустовского, Касьяна Ярославича Голейзовского.

А Наташа Грамолина стала для меня ниточкой, свя- зующей мою юность и настоящее время. Каждый свой приезд в Поленово я стремился к застолью у Наташи и всегда восхищался ее доброжелательностью и госте- приимством. Наверное, здесь позволительно вспомнить, что по образованию Наташа была филологом, свободно владела всеми пластами русского языка, не чуждаясь об- щенных выражений, а самым оригинальным образом используя их в своей колоритной речи.

Именно в Поленово из Тарусы и направлялся наш прогулочный кораблик: довольно большой, старой кон- струкции, уж никак не вписывающийся, к счастью, в по- нятие современного дизайна. За штурвалом — наш дав- ний приятель Кириллыч, крупный медведеподобный мужчина с иссеченным бороздами морщин лицом. Он и капитан, он и матрос. Сделав разворот, чтобы корабль стал носом против течения, и задав ему медленный ход, он спускается из капитанской рубки, перекидывает ка- нат на пристань и принимается подтягивать его вруч- ную к пристани. Кругом простирается ширь Оки. В этом месте именно ширь.

Мы ходим на берег по деревянному трапу, подраги- вающему под ногами. Кириллыч нам помогает. Мы — это я, моя прекрасная супруга Даша, Люда Шуклина —

наша приятельница, доброжелательная хозяйка этого парохода, Паша и Ира (я стараюсь приобщить моего друга, писателя и сценариста Пашу Финна, приехавшего погостить в Тарусу, и его замечательную, остроумную жену Иру Чернову к своему ощущению и видению Тарусы, а теперь и Поленова). Осторожно спускаемся — и оказываемся на поленовской земле.

Я узнаю и не узнаю окрестности. Меня обступили тени прошлого. Собственно, они живут во мне, быть может, потому, что навсегда отпечатались в моем юном сознании. Порой даже давят грузом подробнейших деталей. Они населяют эти аллеи, этот поленовский дом — вот он, стоит в отдалении, и корпуса Дома отдыха, которых больше нет, — все так отчетливо проявлено в памяти. Щемящие воспоминания своей реальностью превосходят все остальное, окрашивают и погружают происходящее сейчас в прошлое. Мираж или, скорее, наваждение... Люди вспоминаются на фоне мало меняющегося пейзажа. Удостоверяют мираж и в то же время возвращают нас к действительности сам дом Василия Дмитриевича Поленова и Аббатство, существующие и поныне. Все это позволяет мне рассуждать о привидевшемся доме отдыха как о “рухнувшей цивилизации”. “Цивилизация” — это не только “тени” в реальном пространстве, но и то, чем мы жили тогда. Целая жизнь встает из небытия с ее успехами и неудачами, любовью, романами, праздниками и разными событиями, объединяющими всех. Проживаемыми вместе.

Тропа, по которой мы идем, знакома, но все-таки другая. В памяти она короче и пролегает мимо землянки Пашки-лодочника — он заведовал веслами и ставил бакены на Оке. Теперь землянки нет. И вышли мы на причал, а не на дебаркадер, как раньше. И ивами все зарос-

ло — огромными, красивыми и, хочется сказать, рёйсдалевскими — они образуют волнистую линию крон, заслоняющую горизонт, как на его картинах, и выглядят так же величественно и прозрачно. Кроме того, эти величественные ивы загородили весь вид на Оку, и уже не узнать до боли знакомый пейзаж, особенно памятный во время заката, по которому всегда можно было понять, какая завтра будет погода.

Нет бревенчатого домика, где жил Павел Владимирович Садовский — огромный плотный мужчина, музыкант оркестра Большого театра. Он обитал там со своей семьей и любимым музыкальным инструментом корнет-а-пистоном, которым устраивал побудку всей округи, играя “Футбольный марш” Матвея Блантера ровно в восемь часов утра. В летнем прозрачном воздухе марш был слышен на десятки километров вокруг.

Нет и прекрасного, как в памяти, но на самом деле более чем убогого дощатого павильона “Голубой Дунай”. За его перилами так и видится высоченная фигура знаменитого актера Ивана Ершова в соломенной шляпе, опирающегося на трость, с граненым стаканом водки в руке — он намеревается выпить “под закат” и идти закусывать в столовую, располагавшуюся выше этого павильона, на горе, откуда снова открывался вид на Оку, но уже в более широком ракурсе.

В Поленове в сороковые годы летом проходил так называемый день смеха, устраиваемый лучшими режиссерами и актерами из числа отдыхающих. Весь этот день был наполнен удивительными событиями вроде шутейного маскарада, когда мужчины переодевались в дамские туалеты, чем вносили много смешного в обычную жизнь.

Вспоминаю один из таких летних праздников. На обмелевшей Оке стоит стол, накрытый скатертью, на столе — полстакана водки и соленый огурец — приз для того, кто приплывет первым. Дно реки до стола глубокое — этот отрезок Оки надо проплыть наперегонки. Я в числе соревнующихся. На взгорье, на берегу реки, множество зрителей. Мне четырнадцать лет, и я хорошо плаваю. Прихожу первым, опережая соперника на полкорпуса. Хватаю стакан и выпиваю водку залпом, от неопытности не делая никакого перерыва между заплывом и выпиванием. Это первая в моей жизни “рюмка водки”! Я не умею пить и не понимаю последствий. Бешеное дыхание после заплыва усугублено напитком. Я еле держусь на ногах и пускаюсь в обратный путь, переплывая глубокую половину Оки. Руки и ноги не слушаются. Дышу прерывисто. Чудом добираюсь до берега и падаю на песок. Долго не могу прийти в себя и восстановить дыхание. Единственной наградой служит признание моего двоюродного младшего брата Азарика — он гордится мной, ведь я совершил двойной подвиг на глазах всего дома отдыха.

Каждый день был отмечен какой-нибудь спортивной игрой. Например, устраивались соревнования по волейболу, а иногда и товарищеские встречи с соседними домами отдыха. Именно благодаря такому матчу я посетил дом отдыха имени В. В. Куйбышева (известного в то время функционера) в Тарусе. Мы бродили по незнакомой нам территории, где в центре цветочного парка на склоне горы, ведущей к реке, на клумбах стояли скульптурные фигуры Ленина и Горького. Примерно в этом же месте находился деревянный сруб дома, именуемый домом Ивана Владимировича Цветаева. Мне и в голову тогда не приходило, что я успел увидеть ле-

гендарную дачу “Песочное”, много лет арендовавшуюся Цветаевым у города Тарусы, и что здесь-то в летние месяцы и протекала жизнь молодых дочек Ивана Владимировича — Марины и Анастасии. Судьба этого дома примечательна. Когда дачу Цветаевых — бесценный культурный памятник — собирались сносить, прекрасный писатель Константин Паустовский, житель и патриот здешних мест, стал заступаться за него и послал телеграмму в ЦК партии. На почте в Тарусе эту телеграмму задержали и проинформировали о ней местный райком, который проявил удивительную бдительность, и дом за одну ночь разобрали.

Вокруг так запомнившихся мне памятников Ленину и Горькому на цветочных клумбах с тех пор стихийно вырос высокий лес. Некоторое время назад я навестил эти места: среди деревьев высятся обветшавшие гипсовые фигуры этих двух персонажей, заблудившихся в густом лесу (как и в жизни, впрочем). Один из них по-прежнему указывает дорогу к “светлому будущему всего человечества”. Здесь же я обнаружил и “примкнувшее” к ним скульптурное гипсовое изваяние Николая Васильевича Гоголя, он тоже раньше стоял на клумбе, но никакого отношения к означенным мыслителям не имел. Есть определенный провидческий смысл в том, что я не обнаружил у скульптуры носа. Уж если носа лишился сам Николай Васильевич, то сила его воображения превосходит все возможные пределы и достигает мистического масштаба.

Вернемся, однако, к нашей дороге до поленовского дома. Все эти разбегающиеся в разные стороны и в гору тропинки стремятся достичь бывших четвертого и третьего корпусов, которых нет и в помине, а тропинки остались.